

29.05.93, 2

Лазарев Александр Николаевич

НОВЫЙ ХОД

Культура. - 1993. - 29 мая. - С. 2.

БОЛЬШОЙ СИМФОНИЧЕСКИЙ ТЕАТР

Музыканту театрального оркестра, как рыбе в воде, естественно и удобно должно быть в оркестровой яме. Так-то оно, конечно, так, но ведь творческому человеку свойственно стремление расширить свой горизонт.

Главный дирижер Большого театра Александр Лазарев выводит свой оркестр на широкую «симфоническую» дорогу. Недавно оркестр вернулся из Японии, где двумя концертами завершил Тридцатый пятый фестиваль в Осаке, а заодно дал концерт в Нагое и четыре в Токио.

Рассказывает генеральный директор ГАБТа России В. КОКНИН:

— Музыканты переживают необычайный подъем. У них сейчас такой романтический период — глаза горят, хочется играть как можно больше, они захвачены открывшимися перед ними новыми перспективами.

Естественно, это «молодое» — и очень обаятельное — чувство сказывается на их выступлениях. В то же время наш оркестр — уже зрелый, давно сформировавшийся коллектив со своим почерком. Он театрален по духу — играет ярко, красочно, эмоционально. И очень чуток к солистам. Александр Николаевич Лазарев опять-таки все эти свойства

учитывает и умеет, как на блюде, подать их.

Не могу предвзвешивать прессу: японские критики, как выяснилось, сродни нашим — очень долго все обдумывают, анализируют, и пока отклики еще не поступили. Зато сразу же поступило предложение от нашего импресарио дать ряд концертов в нескольких городах в июне будущего года.

Одним из самых сильных впечатлений публики от нашего оркестра стало исполнение Восьмой симфонии Шостаковича. Это ведь очень трудное сочинение. Его трудно сыграть, чтобы оно «не расползлось», «не разъехалось». Симфония о войне, но сейчас воспринимается так, будто она о нас нынешних, о нелегкой судьбе нашего народа. Японцы слушали, заатаив дыхание. Когда в финале истаявало пианиссимо струнных, такая стояла тишина... А потом зал взрывался аплодисментами.

Программа была очень обширная и, помимо всего прочего, включала «Вариации на тему рококо» Чайковского, Третий фортепианный концерт Прокофьева и Виолончельный концерт Дворжака. Прокофьев играли с Наталией Труль, очень хорошей, на мой взгляд, крепкой пианисткой. А вот Дворжака и «Рококо» — с Мстиславом Ростроповичем. Встречи с ним, естественно, ждали с трепетом. А сравнить ее можно было разве что с приездом Галины Вишневской в Большой театр.

С первых же минут репетиции стало ясно, что все «пойдет». А потом был концерт, был триумф большого мастера. Потом — второе отделение, в котором оркестру предстояла нелегкая задача — играть без Ростроповича и удержать на том же уровне внимание зала. Заключительные аплодисменты показали, что концерт состоялся весь, целиком, публика равно приняла оба отделения. Ну а что касается Ростроповича...

Тут я вынуждена прервать Владимира Михайловича и рекомендовать его с еще одной стороны. Он ведет видеолетопись Большого театра — снимает гастрольные выступления и оперы, и балета, а теперь вот и оркестра. Пленка, снятая им в Японии, будет использована в одной из передач цикла «Большой театр. Дни и вечера». Но на сей раз генеральный директор ГАБТа попробовал себя совсем уже в неожиданном качестве: взял интервью у Мстислава РОСТРОПОВИЧА. И предоставил его нашей газете. Вот оно:

В. К.: Мстислав Леопольдович, поделитесь, пожалуйста, своими впечатлениями о нашем оркестре.

М. Р.: В 1972 году закончилось мое с ним общение. Двадцать один год прошел — целая вечность. И я был счастлив увидеть среди музыкантов пять-шесть своих старых друзей...

В. К.: Они ведь с вами еще «Онегина» делали — ваш последний спектакль...

М. Р.: Вот-вот. Они помнят это. И я тоже. Для нас эта встреча была по-человечески очень трогательна. А вообще оркестр очень молод, все незнакомые мне лица. И вот что бы я им посоветовал — «поработать» над чисто внешней стороной. Выходят на сцену, и видно, что привыкли сидеть в яме. Чувствуется какая-то несвобода. А они должны знать, что их оркестр — мирового класса, оркестр симфонический, и на сцену выходит соответственно — с большим чувством собственного достоинства, чтобы все видели: вот это их место.

В. К.: Очень рад, что вы это сказали.

М. Р.: Да-да, музыканты замечательные. Концерт Дворжака, который мы вместе играли, — непростое сочинение для оркестра. Солисты были чудесные — и флейта, и кларнет. И есть там довольно «неудобное» соло для валторн. Они показали себя прекрасно.

Ну и наконец маэстро. Давным-давно встретился я как-то с дирижером Александром Лазаревым. Он был очень молод тогда и, кажется, нервничал. А сейчас я увидел уже мастера, опытного, знающего дирижера. Мы все должны быть благодарны ему за то, что он выводит оркестр Большого театра, оперный оркестр, на симфоническую эстраду. По-моему, это замечательный почин.

В. К.: Я тоже так думаю. Но у нас в театре уже сложились два мнения на этот счет...

М. Р.: Ну да. Дескать, один состав ездит, а другой сидит на месте? Но эту проблему не так трудно решить. При более или менее постоянном гастроллирующем составе все-таки ввести ротацию — время от времени менять определенный процент музыкантов. Люди, конечно, должны иметь шанс проявить себя, иначе они снизнут. Может, конечно, статься, что иные действительно не готовы к симфоническому исполнительству. Тогда — другое дело.

В. К.: Может быть, у вас когда-нибудь найдется время и желание постоять за пульт оркестра Большого театра?

М. Р.: Со временем, конечно, сложно. Но я попытаюсь его найти. Во всяком случае постараюсь поддерживать духовный контакт с вами, потому что моя любовь к Большому театру, мое понимание его роли в жизни России — они ведь никогда не исчезали.

В. К.: Будем ждать. Вы видели, как встретили вас музыканты — просто не отходили от вас. Это была большая помощь и большая школа. Спасибо.

М. Р.: Дай Бог вам всем здоровья. И дальнейшего благополучия Большому театру. Это самое главное.

...А недурную «карту» приберег под конец господин дирижёр!

Н. ШАДРИНА.